

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

Исторический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Материалы II Международной студенческой
научно-теоретической конференции

Минск, 18 апреля 2017 г.

Минск
РИВШ
2017

УДК 378(061.3)
ББК 74.58
А43

Печатается по решению Совета исторического факультета
Белорусского государственного педагогического университета

Рекомендовано
Советом
(протокол № от 201 г.)

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук доцент *А. В. Касович* (отв. ред.);
кандидат исторических наук доцент *С. П. Шуляк*;
кандидат исторических наук доцент *А. А. Корзюк*;
кандидат исторических наук доцент *А. Ф. Великий*

Рецензенты:

доктор исторических наук профессор *Н. М. Забавский*;
доктор исторических наук профессор *А. М. Лютый*

Актуальные проблемы социально-гуманитарного зна-
А43 ния: материалы II Междунар. студ. науч.-теорет. конф.,
Минск, 18 апр. 2017 г. / редкол.: А. В. Касович (отв. ред.)
[и др.]. – Минск : РИВШ, 2017. – 430 с.
ISBN 978-985-586-021-2.

В сборнике представлены материалы исследований молодых уче-
ных республиканских, россий-ских, казахских и украинских высших
учебных заведений, учащихся учреждений общего среднего образова-
ния, посвященные актуальным проблемам исторических, педагогиче-
ских и социально-гуманитарных научных дисциплин.

Адресуется преподавателям, магистрантам и студентам вузов.

УДК 378(061.3)
ББК 74.58

ISBN 978-985-586-021-2

© Оформление. ГУО «Республиканский
институт высшей школы», 2017

ИРАНО-ТУРЕЦКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В 2002–2007 ГГ.

*И. Макаренко, 4 курс, исторический ф-т, БГПУ, Минск
науч. рук. – И. И. Ковяко, кандидат исторических наук, доцент, БГПУ*

На сегодняшний момент отношения Ирана и Турции приобрели неоднозначный характер. Политические отношения Турции и Ирана объясняются целым спектром факторов, касающихся проблем и международного, и двустороннего характера. Цель работы – исследовать политические отношения между Анкарой и Тегераном в период 2002–2007 гг. Актуальность данной работы заключается в том, что Турция и Иран – это крупнейшие геополитические игроки на Ближнем Востоке, которых объединяют общие исторические, экономические и культурные связи, а также в том, что одна из причин нестабильности на Ближнем Востоке состоит в том, что Турция и Иран являются «извечными соперниками» и каждое из этих стран имеют свои имперские корни и устремления, поскольку каждое из этих государств имеет свою исламскую государственную концепцию. Из этого следует, что и Анкара, и Тегеран прилагают усилия к тому, чтобы расширить сферы своего геополитического влияния на Ближнем Востоке. В данной ситуации очевидно, что в случае обострения отношений между двумя странами, может произойти коренные перемены на всём Ближнем Востоке. Турки и иранцы исторически противостояли друг другу в прошлом, в ходе многочисленных османо-персидских войн. А всё дело в том, что на территории Турецкой Республики проживают около 20% курдов, которые претендуют на собственную государственность [2, с. 752]. Иранские курды активно втягивают турецких курдов в борьбу за национальную независимость.

После победы исламской революции в Иране (9–11 февраля 1979 г.) всё иранское общество подверглось тотальной исламизации с целью создания единого мусульманского общества – Уммы в Исламской Республике Иран. [6, с. 25]. Исламские религиозно-политические идеи и принципы деятельности составили основу и определили основные особенности новой системы государственной власти и внешней политики ИРИ. Так разрешился возникший в Иране социальный конфликт, приведший к власти «законодателя», который не был пророком, но которого его последователи назвали «имамом». Имам Хомейни стал первым рахбаром (Высшим руководителем) Исламской Республики Иран [6, с. 25].

После Исламской революции 1979 года ирано-турецкие отношения оставались напряжёнными. Турция опасалась экспорта исламской революции, который активно пропагандировало шиитское духовенство, пришедшее к власти. Соперничество в Средней Азии и на Кавказе также не способствовало улучшению отношений между двумя странами.

Однако в начале нового тысячелетия ситуация стала меняться. Под влиянием иракского фактора начался этап сближения Тегерана и Анкары, причиной которого послужило желание США вторгнуться в Ирак и свергнуть режим С. Хусейна. Руководство обеих стран не приветствовали намерения Вашингтона, а также идеи создания независимого Курдистана.

В ноябре 2002 года на парламентских выборах в Турции победу одержала «Партия справедливости и развития». 30 ноября 2002 года состоялась телефонная беседа первого вице-президента Ирана М. Арефа и турецкого премьер-министра А. Гюля, в ходе которой были озвучены намерения продолжить сотрудничество по основным направлениям, касающимся региональной безопасности [3, с. 141].

В январе 2003 года, в разгар подготовки Вашингтоном военного вторжения в Ирак, Турция начала активную челночную дипломатию в ближневосточном регионе. В сферу турецкой дипломатии попали Сирия, Египет, Иордания, Саудовская Аравия, а также Иран [1, с. 128]. Однако Вашингтон не придал большого значения формированию оси «Анкара-Тегеран», которая в будущем переросла в треугольник «Анкара-Тегеран-Дамаск». Взаимодействие Турции и Ирана в сфере региональной безопасности усиливалось. В июле 2004 года, во время визита турецкого премьер-министра Р. Эрдогана в Тегеран, обе стороны подписали соглашение о сотрудничестве, в котором Рабочая партия Курдистана (далее – РПК) была определена как террористическая организация. В апреле-мае 2006 года Тегеран провёл ряд военных операций, в ходе которых были ликвидированы иранские филиалы РПК [1, с. 128].

Турецко-иранский диалог подкреплялся, хотя и с наличием проблем, торгово-экономическими связями двух стран, а также сотрудничеством в области энергетики. В 2007 году объём

торговли между двумя странами составлял 4,5 млрд. долл. [1, с. 129]. В Иране, по состоянию на 2007 год, действовали свыше 40 турецких фирм, причём привлекательность иранского рынка для турецких рынков продолжала расти. Иран стал вторым после России поставщиком природного газа в Турцию.

Ещё один фактор, влияющий на развитие ирано-турецких отношений – это иранская ядерная программа. Пришедшая к власти в конце 2002 года ПСР высказалась о невозможности уладить эту проблему военным путём. Подтверждением этого можно считать то обстоятельство, что Анкара выступила против обозначения Тегерана как ядерной угрозы и отказалась от размещения систем противоракетной обороны (ПРО) НАТО на турецкой территории. [5, с. 29]. В 2006 году Турция и Иран заговорили о возможности осуществления части работ по обогащению иранского урана на территории Турции в контексте предложенной «шестеркой» посреднических схем по обогащению урана за пределами Ирана.

В основе турецкого подхода к ИЯП лежит идея урегулирования проблемы мирным путём, что было неоднократно озвучено официальными турецкими дипломатами, и зафиксировано в официальных документах. Выступая за безъядерный Ближний Восток, Турция одновременно предлагает Ирану не отказываться от диалога со странами Запада. [4, с. 90].

Таким образом, можно сделать вывод, что отношения Ирана и Турции в 2002-2007 гг. перешли на новый уровень. Пришедшая к власти ПСР изъявила желание сотрудничать с Ираном по основным вопросам, касающимся региональной безопасности, включая борьбу с терроризмом и нелегальным оборотом наркотиков, а также РПК, представляющей опасность как для Турции, так и для Ирана. Ещё одним фактором, определяющим ирано-турецкое сотрудничество, является ИЯП. Позиция Турции по отношению к ИЯП объясняется общими интересами обеих стран на Ближнем Востоке.

Литература

1. Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы / под ред. Н. М. Мамедовой, М. С. Камедовой, И. Е. Федоровой. – М.: Институт востоковедения РАН, Издатель Воробьев А.В., 2016. – 364 с.
2. Мухаев, Р. Т. Геополитика: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Государственное и муниципальное управление», «Регионоведение», «Политология», «Международные отношения» / Р. Т. Мухаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юнити-Дана, 2010. – 839 с.
3. Роль и место Ирана в регионе (коллективная монография) – М.; Институт Востоковедения РАН, 2007. – 204 с.
4. Санкции и их влияние на Иран: сборник научных статей / Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока; редколл: Н. М. Мамедова (отв. редактор). [и др.]. – М., 2012. – 137 с.
5. Свистунова, И. В. Политика России и Турции в отношении Ирана в XXI веке. Центр стратегических исследований Ближнего Востока, Доклад: 70. – Анкара, 2011. – 40 с.
6. Юртаев, В. П. Особенности и реализации внешней политики Исламской Республики Иран в 1979–2010 гг.: автореферат.... дис. доктора ист. наук: 07.00.15. / В. И. Юртаев; Российский университет дружбы народов. – М., 2012. – 50 с.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ШКОЛЫ КАРМА КАГЬЮ

*3. С. Працкевич, 3 курс, Институт теологии БГУ, Минск
науч. рук. – С. И. Шатравский, кандидат богословия, доцент, Институт теологии БГУ*

В XI веке в Тибете под влиянием Китая и Индии начинают формироваться самостоятельные школы буддизма. В результате этого формирования выделились четыре основные школы, которые в разное время занимали главенствующие позиции в Тибете: кадам, нингма, сакия и кагью. Эти школы стали легитимными и заложили основы многовековой традиции Ваджраяны, которая распространилась по всему миру. В данной статье мы проследим основные этапы формирования школы кагью.

Основоположниками традиции кагью принято считать двух индийских учителей: махасиддха Тилопу (928-1008) и его ученика Наропу (1016–1100). Тилопа, находясь в медитативном сне, получил непосредственное наставление от Будды-Ваджрадхары, одного из «главных будд Ваджраяны, в мифологии которой он символизирует молниеносное состояние Просветления